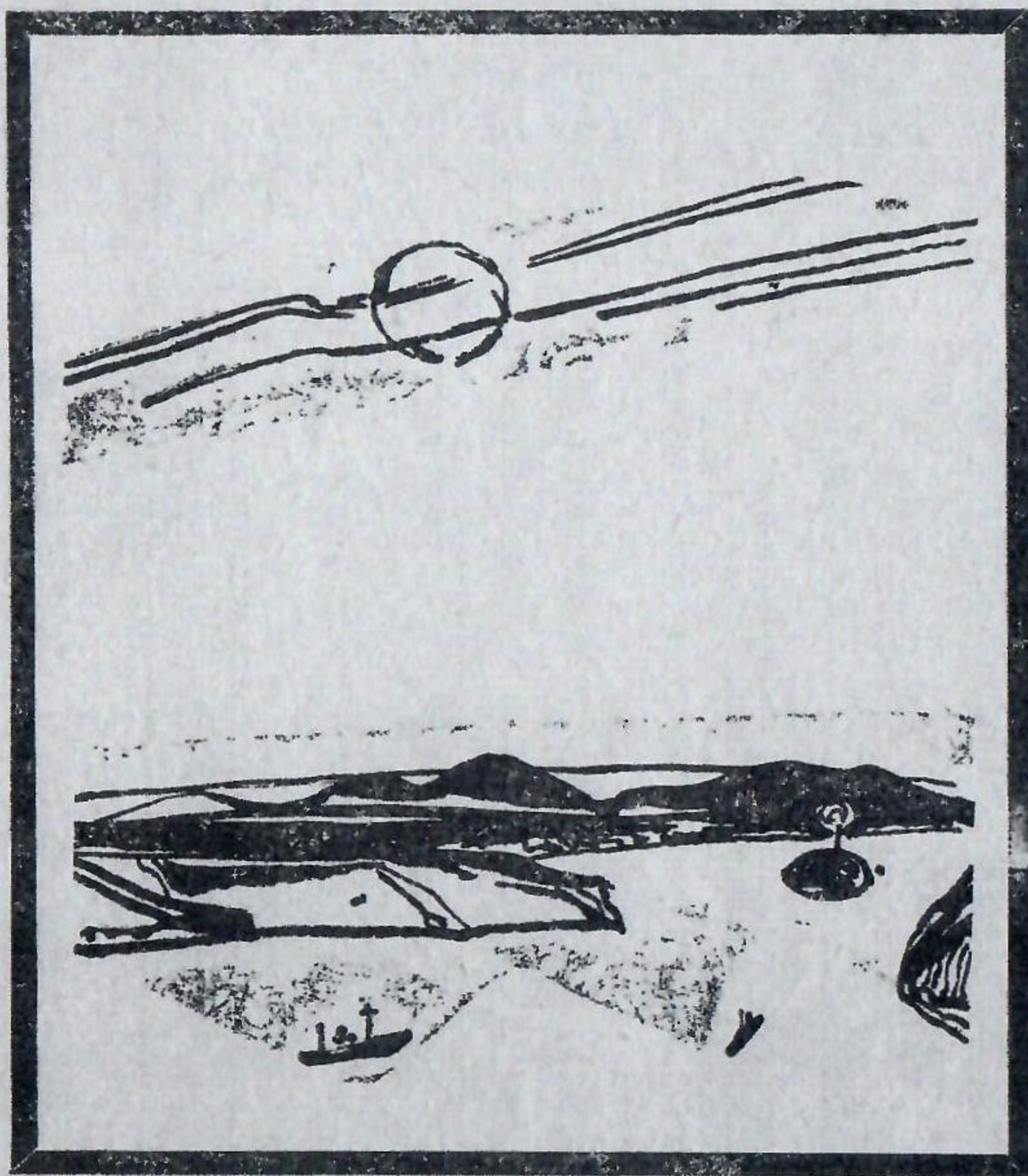

✦ К 60-летию Корякского автономного округа

3. Ахайпина

Каменный КИТ

с. Каменское 1990 год.

ИЗДАНИЕ 1980 ГОДА

Пензенский районный
краеведческий музей
№ 441 б.м

Вряд ли есть на пенжинской земле человек, которому было бы не знакомо имя Зои Ивановны Ахайпиной. Многолентнее сотрудничество с газетами „Полярная звезда“ и „Корякский коммунист“ создало ей добрую известность и в нашем, и в других районах округа. Главная тема ее газетных публикаций—жизнь коренных северян, благополучие родного края.

Большое место в жизни Зои Ивановны занимает литературное творчество. Источником его служит самобытный корякский фольклор, собиранию и обработке которого Ахайпина уделяет много времени. Уберечь от забвения произведения народного творчества—легенды, сказки, предания, обычаи,—донести их до потомков—такой благородной цели служит З. И. Ахайпина. Существенным вкладом в ее достижение является выпуск данного сборника.

Иллюстрации выполнены художником
ТОХМАНОМ БАЙТУНОВЫМ

В ГОСТИ К ПРЕДКАМ

(Рассказ)

Бабу Ёкку невозможно было уговорить поехать по направлению районных врачей в областную больницу на лечение. И так, и эдак убеждали ее, что там будет хорошо, что много местных в больнице, не одна она такая... Переводчица старалась на корякском языке дословно переводить бабе Ёкке. Бесполезно! В ее слезистых глазенках читались такие испуг, отчаяние и мольба, что санитарка на минуту умолкла.

И тут Ёкка вышла из состояния отчаяния, переставила ноги, как будто к бою готовилась, левой рукой подняла рукав кухлянки на правой руке до локтя, сжала кулачок и потрясла им в воздухе. Медсестра сделала шаг назад. Баба Ёкка вытерла махорку с губ, пятерней высморкалась, взмахнула ею над тазиком и выпалила: «То-о-о-ок, чемоч! Хватит! Я здесь буду на уколы в больницу ходить, не все ли равно. То-о-о-к! Хватит!» И выпроводила медсестру с переводчицей.

Затем закрыла дверь на крючок, зашла в комнату, отдыхала. Села на табуретку, поменяла махорку во рту и сама с собой заговорила: «Так, им хочется, чтоб я долго жила на этом свете. А ведь ждет меня муж, предки ждут. Никуда я не поеду».

С плохим настроением возвращалась в больницу медсестра. Ох, влетит ей опять от врача, когда тот спросит, почему бабу Ёкку не привезли! А завтра вылетать в город...

Утром опять отправилась за бабой Ёккой. Та не ожидала, что опять за ней придут, а то бы вообще не открывала двери. Она думала, что ее слова для них — закон, отстанут от нее. Ёкка ругалась благим матом на своем языке, понятном только ей и переводчице. Сопровождающая с больницы чутко следила за старушкой, чтоб она не сбежала куда-либо, не спряталась...

Когда белокрылый Як-40 поднял ее над облаками, баба Ёкка часто подносила ко рту угол воротника и кусала его. Сидела она у иллюминатора и часто поглядывала туда. Понемногу успокоилась. Вот уже облаков не видно под ними, лишь то-

лько белый простор вокруг. И ей подумалось, что скорее всего летит она не в больницу в город, а к верхним людям. Сердце трепетало. Но постепенно боязнь и беспокойство ушли... Баба Ёкка ощутила даже какую-то радость: вот-вот она неожиданно объявится к своему мужу и предкам, давно покинувшим землю и ее, Ёкку. Голова от волнения закружилась, она снова потянула уголок ворота ко рту и прошептала: «Прощайте, родные, оставляю я вас всех. Земли давно уже не видать. Я скоро прилечу к своим родичам, к верхним людям. А одета-то я как безобразно — в этих русских тряпочных торбасах, закутанная в такие материи. Ничего на мне нет своего, корякского. И подумают муж и родичи, что я позорница, в такие годы и без кухлянки, и торбас, без упряжки оленьей, пешком. И могут подумать они, что меня просто вытурили из дому. И с собой ничего нет: ни махорки, ни мяса, ни погребального убранства. Что я буду говорить своим?!»

Сперва она не завидовала тем, кто уходил на тот свет от тяжелых болезней, мучений. Наоборот, казалось, что ей повезло — легкий путь дали к верхним людям да еще на самолете. Но, когда встали перед мысленным взором муж и все родные покойники, места ухода которых заросли давным-давно мхом, кустарниками — тут уж зависть уколола ее, ведь она попадет туда не как Ёкка, вся в материи, а совсем иначе, ее могут вообще не принять, хоть она и явится туда земная, настоящая, живая без всяких мучений и костров. Пусть лучше бы языки пламени лизали ее, но лишь бы бабу Ёкку приняли верхние люди. Ей даже стало жаль тех, кого на прощанье благим матом покрывала, а они стояли и молчали. Ведь она даже на прощанье плюнула и выговорила: «Эч-вэй-й!» И бабе Ёкке стало немного обидно за последние земные минуты. Обидно и больно, что не так она простилась с людьми.

Солнце ярко светило в иллюминатор. И Ёкка подумала, что у них тут, у верхних людей, солнце ярче светит. И вдруг — темнота. Летели в «молоке», как летчики говорят. «Вот и все, прилетела», — подумалось ей.

...Но не суждено было бабке Ёкке попасть к верхним людям. Не суждено ей было хоть одним глазом увидеть всех покойных родичей. Самолет мягко приземлился в аэропорту

Елизово, полосу которого старушка приняла за неземную площадку, а дымящийся вулкан — за огромную юрту верхних людей. Сердце ее радовалось и щемило.

Когда вышла из самолета и ей помогли спуститься с трапа — бабка долго разглядывала новых людей. «Мэ-э, мэ-э, — толкала она соседа, — куда прилетели?». Парень сказал, что в город. У Ёкки настроение упало. Перед нею стояли обыкновенные люди, настоящие, земные. И все-таки жизнь переборола: баба Ёкка обрадовалась, что она снова на земле!

Больница ей показалась высокой снежной горой, а окна — словно тундровые озера. Приняли там бабушку, как дома. Да еще убранная кровать в палате, словно белоснежный сугроб, и казалось Ёкке, что от нее снегом пахнет. И это ее успокоило еще больше.

«Бабуля, садись», — приветливо пригласили ее женщины и сестра. Села, отдышалась на скамейке. Баба заговорила по-русски: «Чиканить нато, чиканить». Женщины сперва не поняли. А потом догадались: «А-а, в туалет бабуля хочет». Повели ее в туалет. Показали, как закрыть на крючок. Но Ёкка не стала закрываться на крючок, думала — вдруг ей станет плохо. Стала она рассматривать раковину. «Колё — колё-мэ! Хорошая камана — мыска». Постояла 2—3 минуты, все рассматривала ее: а ведь хорошо в ней кое-чего содержать. Заходит няня, а Ёкка и говорит: «Мэ-э, мамушка не хочет чиканить! Не надо!» «Почему?» — спросила няня. Бабка сказала женщине, что она на улицу, в уголочек сходит. А тут, мол, не хочет, нельзя, ведь внизу люди живут, все на них польется. Нет, баба Ёкка этого не сделает. Лучше на улицу пойдет.

Ей объяснили, что в городе на улице никто не «чиканит». И опять объяснили, куда все идет. Все стало ясно.

Только через несколько суток, когда она посчитала себя городской, когда освоилась с больничной жизнью, она стала спускаться на самый нижний этаж по лестнице. Долго спускалась, с остановками. Теперь ей казалось, она спускается в землю по бесконечной извилистой лестнице. Вдруг баба увидела перед собой женщину. Кто такая? Вроде знакомая, местная... Она убыстрила шаг. Подойдя поближе, громко по-корякски крикнула от радости: «Мэ-эй!» Поздоровалась. Но ни-

кто ей не ответил. Незнакомая женщина только открыла рот. Ёкка подошла поближе и с удивлением узнала себя. «Бедняжка» — промолвила по-корякски. И долго-долго смеялась, как обмануло ее зеркало-трюмо...

...Обратно бабка Ёкка летела уже совсем «ученая». Глаза в дороге не закрывала. Ожидая вылета, долго рассматривала дымящийся вулкан. «Як-40» за три часа доставил бабку домой.

Ей помогли спуститься по лесенке. От радости они начего не могла произнести и только со слезами на глазах, со всей земной своей любовью осматривала всех, кто пришел встречать ее. Рядом стоявшие молчали. Вдруг Ёкка припала на колени и стала целовать землю. Она гладила ее изборожденными старенькими руками. Встала. Дали ей узелок с вещами да подарками, приготовленными знакомыми в больнице, но не взяла сразу. Волнение ее передавалось всем. Они будто первый раз вместе со старым человеком почувствовали и ощутили большую любовь к земле, к родному селу Манилы.

Бабка подняла руки к небу и громко крикнула: «Ёкка-а-а прилетела, Ёкка-а-а прилетела!». И твердой походкой направилась в село.

Счастливая бабка Ёкка шагала к родному дому.

КАМЕННЫЙ КИТ

(Легенда)

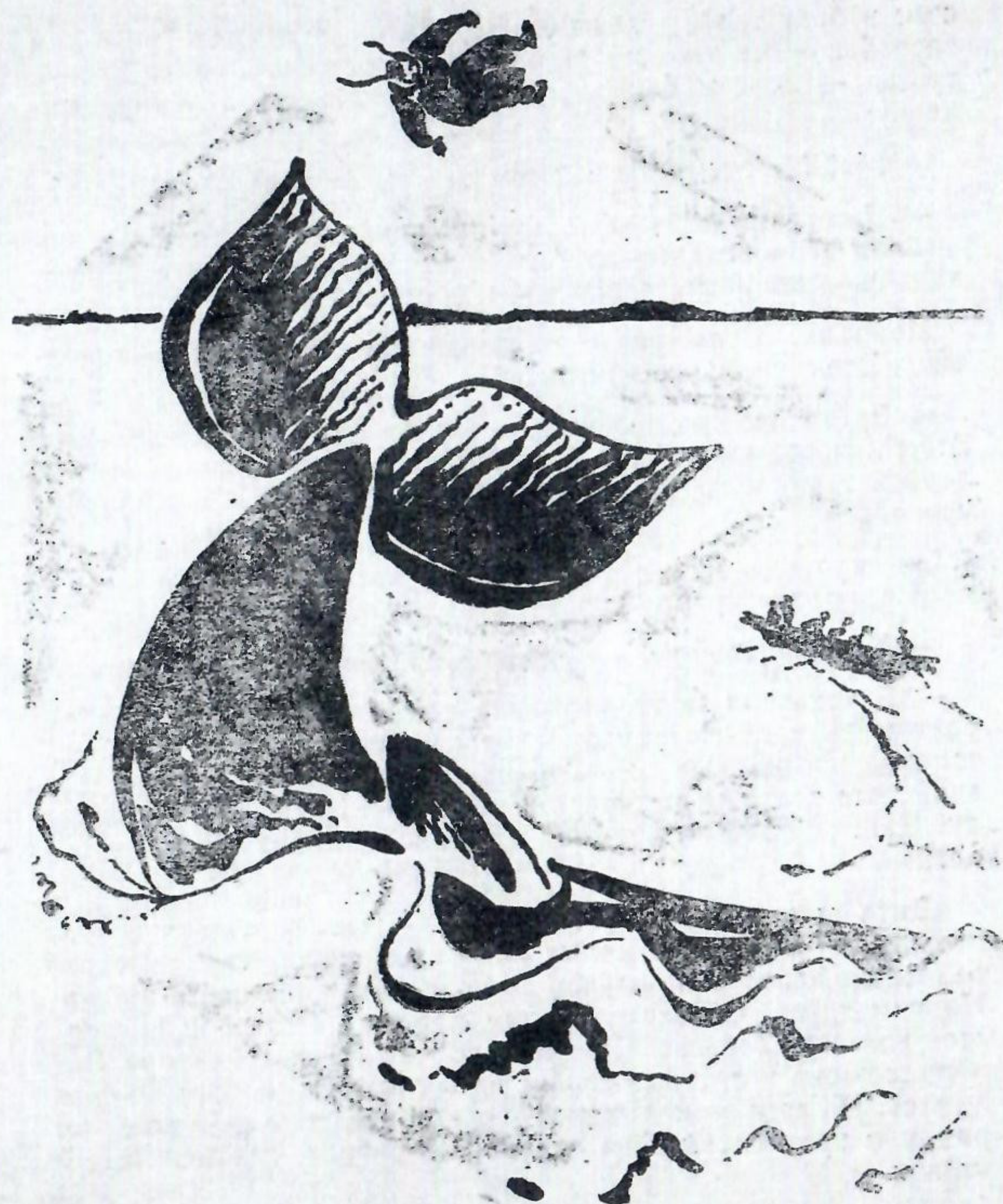
Брата моего отца попросили мы с сыном свозить нас в родные места. Солнечным днем наша лодка отправилась морем в дальний путь. Море — спокойное, гладкое, словно залитое тонким слоем лака — будто радовалось нашей затее. Нас несло отливом, и грести было легко.

За мысом Каменка, у самой середины Пенжинской губы, стоит остров. Береговые коряки называют его «Каменный кит». Смотришь ли на него вблизи или издали — не налюбишься. В сильные штормы, покрытый брызгами морских волн, он похож на белого кита, а при спокойном море — словно гренландский кит, величаво заходящий в суровую Пенжинскую губу. На острове установлен маяк, который работает на энергии приливов. О нем знают многие, но мало кто знает легенду о самом каменном острове-ките. А в детстве мне ее часто рассказывал отец.

...Было это давным-давно. Береговые коряки охотились на нерпу и китов, ловили рыбу. Жизнь шла своим чередом. Однажды в раннюю весну, когда Охотское море уносило от берегов в свои просторы последние льдины, охотники-зверобой возвращались на байдаре с промысла. Весла дружно резали морскую гладь. Пожилой старшина за рулем внимательно глядел на приближающиеся скалистые берега.

Рулевой далеко видит. Вдруг он заволновался: «Что такое? Неужели мои зоркие глаза меня обманывают? На острове люди? Как? Откуда?». Он быстро направил байдарку к берегу, но ничего пока не сказал охотникам. Торопил их, просил нажимать посильнее на весла. Когда байдара поравнялась с островом, остальные гребцы также увидели людей.

На каменном острове стояли три женщины. Одна из них особенно выделялась: красавица, одетая в парадную кухлянку, в расшитые узором торбаса, в красивый головной убор. Звон колокольчиков на ее уборе словно заигрывал с шумом морского прибоя. У парней защемило сердце. Какая красавица! Вся дружина зверобоев сочувственно глядела на попав-

шую в беду тройку женщин. Но никто не посмел ни о чем спросить — на это есть старшина. Вторая была одета проще, третья — совсем бедно. Старшина спросил красавицу-смуглянку:

— Мэй-й, почему ты на этом святом острове «Аппапелъ»?

— Я сослана сюда за то, что изменила мужу-старинку и полюбила всем сердцем другого, — отвечала красавица, поправляя свои длинные черные косы, украшенные бусами.

Молчание. Старшина с отеческой лаской глядел на красавицу. Все ждали, что он скажет.

— За это можно простить, — сказал он. — Мы, люди этого берега, прощаем тебе, и будь всегда любимой, желанной и верной тому, кого ты крепко любишь. Садись на байдарку, чернобровая!

Она протянула свои руки первому подошедшему молодому парню и ловко прыгнула в байдару.

— А ты за что тут? — спросил рулевой вторую женщину.

— Я наказана за то, что была лентяйкой. Не умела огонь разжигать и своим трудом очаг согреть. Не знаю, где есть звонкие прозрачные родники, придающие силу людям. Не знаю, что дают людям море и земля. Не знаю, для чего живу. Наш род вымер с голоду и осталась я одна. За это и сослана...

«Дитя еще, — подумал старшина. — Нет, ее нельзя оставлять здесь. Видимо, с малых лет с нею нянчились, как с деревянным идолом, не научив ее познавать полезное в жизни. Научим труду. Станет она моим парням сестрой и настоящей хозяйкой берега». Предложили и ей место в байдаре. Зацепилась она шнурками торбас за весло, чуть за борт не свалилась. Но двое молодых зверобоев подхватили ее и усадили рядом с красавицей. Она сидела смущенная, как непутевый утенок.

Прилив продолжался. Третья женщина все стояла на большой спине «Каменного кита». Но волны прибоя все сильнее накрывали его. И он постепенно погружался в морскую пу-

чину. Остров становился все меньше, его уже почти заливало морем.

Охотники с нетерпением ожидали вопроса старшины к ней. Чувствовалась всеобщая неприязнь к этой женщине, к ее узеньким глазам, к жестам. Многое давало знать не только старшине, но и всем гребцам, что она сделала роду и племени то, за что нельзя простить.

— Сказывай, женщина, чем омрачена? — наконец спросил он. И вновь тяжелым взглядом посмотрела она на путников и сказала, высоко подняв голову:

— Я смерть несла нашему роду и другим. Сослана на погибель за свой язык. Из-за моего языка гибли многие. Ссоры, раздоры, драки и кровь таились в моем языке. Люди! Все решено. Я остаюсь здесь.

Прилив моря уже дошел ей до колен. Женщина-Смерть не просила пощады и возвращения к родным берегам. И если бы зверобои ее взяли — не приняли бы ни родные, ни близкие. Ее язык, как пламя погребального костра, многих съел по всему побережью.

— Прощай, не гневайся на наш род. Ты заслужила погибели, — и старшина опустил руль в море. Разом зверобои взялись за свои весла и байдара взяла курс к родным берегам. Никто не глядел на оставшуюся на каменном острове женщину.

А она в последний раз взглянула на чистое безоблачное небо, на родные берега, на тихий простор губы. А потом закрыла лицо передником капюшона и медленно стала садиться на камень...

— Отец, она утонула? — спросила я.

— Нет, доченька. Она превратилась в камень, в маленький остров. Он рядом с Каменным китом. Даже святой Каменный кит — «Аппапелъ» — ее не принял. Ты сама увидишь, когда будешь проезжать там в полный отлив.

И теперь каждый раз, проезжая мимо острова, похожего на огромного и величавого гренландского кита, я вспоминаю легенду отца, рассказанную в детстве и вновь пересказываю ее своим сыновьям.

РОДНИК

(Поэма)

То было не сказкой, а правдой.
Случилось это в Иткане.
О том рассказали мне дважды
Старик и старуха Канэ.

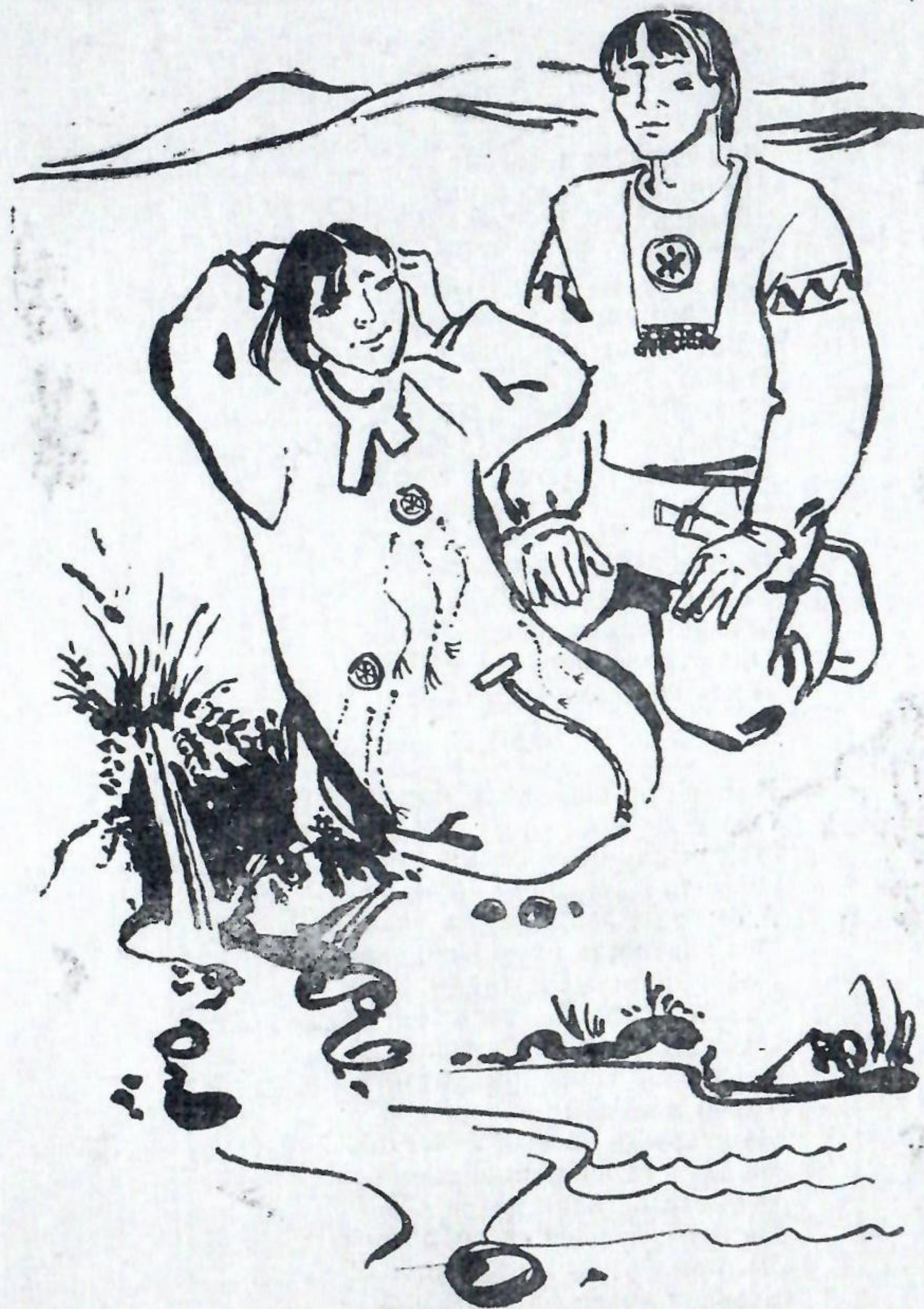
I.

Овраг, заросший ольхою.
Там тополь стоял одинок.
Под ним умывался слезою
Прозрачный один родничок.
Никем не замеченный раньше,
Водою поил он цветы...
Но как-то девчонка однажды,
Ручонкой раздвинув кусты,
Нашла — и себя напоила
Прохладною влагой его.
С тех пор родником дорожила,
Не зная иных тревог.
И как-то отца попросила:
«Мне сделай посуду скорей,
Чтоб воду тебе я носила,
Чтоб крепче я стала, сильнее».
В семье зверобоя, как редкость,
Росла северяночка та.
Для них она — счастье и радость,
Для них — продолженье она.
Охотник единственной дочке
Передал свое ремесло:
Как верно в осеннюю ночь
Направить по волнам весло;
Учил узнавать он погоду,
И уток из лука стрелять.
По тундре метельной, по горам
Упряжкой в пути управлять.
Как выследить жирную нерпу,
Украдкой дойти до нее,
И рыбу черпушкою черпать
В холодный весенний денек.
А мать научила плетеньем
Красивый узор составлять.

Из ягоды, шишек, кореньев
 Обеды готовить.
 Все делалось быстро, красиво
 В девчоночьих ловких руках.
 А парни глядели ревниво,
 И нежность светилась в глазах.
 Природа ее одарила
 Щедрой и чистой красой.
 А мать ей частенько твердила:
 «Чиста будь своей добротой!»
 А дочка в невесту сложилась.
 Сама — как хрустальный родник.
 И часто она ворожила:
 Какая судьба впереди?
 Заглянет в родник — и увидит
 Красавицу с длинной косой.
 И спросит с улыбкой игривой:
 «Ты чья же невеста? Постой...
 Такую смуглянку впервые
 Я вижу в прозрачной струе.
 Так, может, на берег ты выйдешь,
 При солнце покажешься мне?»
 А вечером плещется рядом
 Мерцанье Полярной звезды.
 Теплеет смугляночка взглядом:
 «Ты — мой указатель судьбы!»
 Мечтала о девичьем счастье...
 Но рок не услышал мечту.
 Так в жизни случается часто:
 Другие решают судьбу.

II.

Родные вдаваться не стали
 В подробности дочкиных дум.
 За дряхлого старого Камлыл
 Завтра уже отдадут...
 Одежда к свадьбе готова,
 И полог — невинный как снег.
 «Ты против родных? Это ново!
 Закон ведь один для всех!»
 «А сердце против закона!
 И Камлыл — не муж для меня.

Как оленуха в загоне
Не буду покорно стоять!
Дорог в этой тундре много,
За выбор себя не корю:
Во сне вижу парня такого,
Которому жизнь подарю».
...Вот свадебный полог. Два места.
А спят, как чужие, порознь.
Невеста осталась невестой,
Жених — как трухлявая кость...
Напрасен был танец шамака,
Обрядовых баб ворожба.
Все ваши камланья туманом
Растаяли там, у хребта.
Года проносились, как тучи,
Жизнь горною речкой текла.
Она становилась все круче,
В какие-то дали влекла...

III.

Весной, по обычаю, в море
Охотники выйти должны.
Но прежде собрались в ту пору
Заехать к соседям своим.
А было их двадцать на лодке —
Вся знатность охотничья здесь.
Собою простые и ладны.
Умения, силы не счесть.
Один из гостей выделялся
Сердечной своей простотой.
Такой молодой красовался!
Из старших он был холостой.
Высок и силен чернобровый,
И быстрый, как-будто олень.
На нем вся одежда добротная,
Лахтачьи унты до колен.
Хозяйку давно он приметил,
И встречи с ней трепетно ждал.
Но где же красавицу встретить
Один на один? — всё гадал.
Вдруг среди листы появилось

Смуглянки прелестной лицо.
И радостно сердце забилося:
Какое ей молвить словцо?..
Минуту стояли и ждали,
Две жизни — одна красота.
И девушка к парню прижалась:
«Люблю!» — прошептали уста...
Все сразу вокруг замолчало,
И ясно лишь было для них,
Что вот оно, счастья начало,
Начало любви молодых!
Она, покраснев, наклонилась
К прохладной струе родника.
А он любит милой
И не наглядится никак...
Минуты прошли, словно годы.
«Уходим мы завтра, ты жди.
В любую метель — непогоду
Приду и сумею найти.
Весна за зимою настанет,
Последняя льдина пройдет —
Тут, песню волнам напевая,
Мой голос тебя позовет.
Родник береги, чтоб могли мы
Прохладой любовь освежить,
Чтоб песен его переливы
От зла нас могли сохранить».
Закинув ей косы за плечи,
Он нежно смуглянку прижал.
Но зло, как и нежность, извечно:
Старик их там увидал....

IV.

С приливом она провожала
Надежду, пришедшую с ним.
Мечтою его называла,
Желанным, любимым своим.
Вот лето проходит и осень,
Зима за порогом стоит.
Смуглянка ждет милого очень,
И в сердце надежду таит.

Поднимется на берег моря,
В прозрачности зимнего дня —
И тужит: «Любовь моя, горе,
Когда заберешь ты меня?
Как чайкой мне стать белокрылой,
Подняться, увидеть вдали,
Что делает нынче мой милый
У снегом закрытых долин?
Тюленем поплыть бы по морю,
И лед бы растаял скорей.
Оленем помчаться бы в гору —
Любовь моя круче, сильнее».
Охотник же в горных острогах
Отцовский наказ выполнял.
Он пел о любви по дороге,
Упряжку шестом подгонял.
Скользят по сугробам полозья,
И нарта, как птица, летит.
Луна с верхотуры морозной
На парня с улыбкой глядит.
И грустная песня земная
Взвивалась в далекую ввысь:
«Ты ждешь ли меня, родная?
Я еду к тебе, крепись!»
Длинна и горька их разлука!
Весна, поскорее приди!
Как тяжки любовные муки
И как все же сладки они!
Весна за весною проходит,
До моря текут ручейки.
И вот позади все тревоги,
Приблизились счастья деньки.

V.

Сегодня весь берег парадный,
Сегодня наш «Праздник кита».
Как статен охотник в наряде,
И как северянка мила!
И песни несутся за море,
Видны сотни ярких огней.
Неситесь, неситесь за горы,

Скажите: на праздник скорей!
Взволнованной птицей порхая
С зеленою веткой в руке,
Он ищет ее, догоняет:
«Ищу тебя, радость, везде».
Обрядную дарит ей ветку
И нежно глядит ей в глаза.
«Мечтаю судьбу навеки
С твоею судьбою связать.
Желанная, милая радость,
Как я торопился к тебе!
Дай мне наглядеться хоть малость,
Иди же скорее ко мне!»
Под звон колокольчиков, песни
Танцуют и пляшут вокруг.
От пляшущих в стойбище тесно,
Но все расширяется круг.
Один лишь на празднике не был.
Копье мастерил у костра.
Как только влюбленных заметил
Пополз он вперед, до куста...

VI.

«Пора уж нам выйти из круга,
И пыл охладить родником.
Как нежна, мила ты, подруга,
Пойдем по тропинке тайком!»
Родник их встречает прохладой.
Прозрачной воды напились,
Стоят и целуются сладко,
Их нежные руки сплелись.
И не было счастьем предела,
И не было ласкам конца.
И даже Венера не смела
В ночном небосводе мерцать.
Но тут вдруг смертельным ударом
Копье их пронзило насквозь.
Упала влюбленная пара
Безмолвно, — без крика, без слез.
Родник безуспешно старался
Кровавые раны обмыть.

Он горькой слезой умывался,
 Но их уж не воскресить...
 Все камни окрашены кровью,
 Родник алый цвет принимал.
 «Сегодня, родник, мы с тобою,
 Сегодня для нас карнавал».
 И чайки им крыльями машут,
 За тучами светит луна.
 А люди все пляшут и пляшут,
 И бубны звенят до утра.
 Смеялася смерть с небосвода:
 «Разлука теперь не нужна-а-а!»
 Родник тот остался безводным,
 Заросшим травой до дна...

ХОЗЯЙКА

Мне ли в тундре затеряться?
 Я хозяйка здесь.
 В куропатку превратиться,
 Под кустом сидеть.
 Не боюсь пурги и выюги —
 Я найду следы.
 Разожгу печурку в юрте,
 Наварю еды.
 И в любую непогоду
 Встречу пастуха,
 Как никто не встретил сроду:
 Чай готов, уха.
 Утром зоренька краснеет,
 Песнь слышна вдали.
 И шагают вслед за нею
 Пастухи с долин.
 Речка песенку слагает —
 Слушай-ка, чакок.
 Лайка где-то звонко лает,
 Посиди часок.
 Лес встречается с хозяйкой,
 Листьями шумя.
 Поделись мечтою, чайка,

Радость не тая!
 Заиграли клюквы-глазки,
 Щёки, как рассвет.
 Вот сложить бы песни, сказки
 В бисерный букет!
 С бубном я бы передала
 Тундры ритм в кругу.
 Наша жизнь иною стала —
 Всем сказать могу.
 Мы совсем другими были
 В прежние года,
 Что чума и хворь творили —
 Горе да беда.
 Будто бусинкой украшен
 Солнечный рассвет.
 Помнят люди в тундре нашей
 Ильича завет!

ЖУРАВЛИ

Говорят, журавли улетели.
 Опоздала их проводить...
 Я тоскую уж больше недели,
 Мне покоя никак не найти.
 Помню я, как сейчас, на отмели
 Гоготанье, курлыканье их.
 Крылья, словно двойные качели
 Уносили мечтанья мои...
 Над горами, лугами, лесами.
 Там, где речка начало берет,
 Улетая в далекие страны
 Журавлиная стая плывет.
 Я тебя проводила, Сережка,
 (Как отец величал — Журавель).
 Береги ты подружку — березку
 И семью береги от потерь.
 Журавль, Журавлиха — Елена!
 Вам желаю я счастья, добра!..
 Пусть в краю нашем дивном,
 оленном
 Каждый будет семье вашей рад!

РАЗГОВОР

За горами шум мотора —
Вертолет летит.
Юрта — будто бы контора,
К ней народ бежит.
Прилетели гости в стадо,
В Эвнито звено:
«Мэ-э, приехали, амто!»
Ох, гостей полно...
Чай кипит, костер в разгаре,
Мясо в чугушке.
Закурить бы нам в начале,
Дайте огонька!»
А хозяйка с робким взглядом
Мясо подает.
За горячим, крепким чаем
Разговор идет.
«Домик в тундре, у летовки —
Щели да дыра.
Поселилась там воровка,
Взглядом ох, быстра!
Конопатку поснимала:
Дом — как решето.
Косолапого позвала:
«Залезай в окно!»
Отражение мишка видит,
Хлоп — и нет стекла!
Не подал воровке виду,
Хоть и кровь текла.
Привезли нам на стоянку
Бочки — две или три.
Мишка глянул спозаранку —
Масло в них да рис,
Крупы всякие, печенье,
Молоко, кисель.
Бочку катит. Ох, мученье!
Мишке канитель.
То поставит, то заглянет
В крышку через щель.
То как хлопнет, то как лопнет,

Где же там кисель?
Узел быстро разорвал,
Бочку опрокинул
И сгущенку он достал,
Тут же пасть разинув.
Ах, какое объеденье!
На душе легко.
Мишка, словно в сновиденьи,
Лижет молоко...
Вот такие там дела.
Нужен нам ремонт.
Конопатку и стекла
Пусть везет пилот.
На собрании в райкоме
Секретарь нам говорит:
«Вам дома на исполкоме
Разрешили подарить.
И дадим движки по звеньям —
Будет свет гореть.
Табуны же до оленя,
До теленка вам сберечь!»
Звеньевой поставил блюдец,
Говорит ему:
«Лишь бы не было копытки,
Мы готовы ко всему.
Это, в общем, выполним»:
Маток сохраним,
И телят, что рядом с ними,
Хромоногих исцелим.
Только вот такой вопрос
Разрешить бы надо:
Нет патронов и сапог,
Как следить за стадом?
Столько здесь волков магерых,
А ружье одно.
Гвозди нам нужны, запоры,
Стекла на окно.
Молодых учить пора бы
Всем руководить.
Будем мы стараться рьяно
Смену подрастить.

...За лесами, за горами
Слышен чуть мотор.
Затихает, замирает
В юрте разговор...